

*Стихи русских и зарубежных
поэтов*

(составил В. Федоровский)

Коллектив авторов
Владимир Евгеньевич Федоровский
Стихи русских
и зарубежных поэтов

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=17690594

ISBN 978-5-4474-5654-2

Аннотация

Сборник состоит из более 300 избранных стихотворений 120 русских и зарубежных поэтов, со дня смерти которых прошло более 70 лет. Указаны их годы жизни, фамилии расположены по алфавиту. Стихи не претендуют на какую-то антологию. Цель этой подборки одна – ознакомить читателя с рядом хороших стихов разных авторов, заинтересовать его этим видом искусства. Составил В. Федоровский

Содержание

Н. Агнивцев (1888—1932)	6
И. Анненский (1855—1909)	8
А. Апухтин (1840—1893)	9
А. Аснык (1838—1897)	13
Г. Байрон (1788—1824)	15
Ю. Балтрушайтис	16
К. Бальмонт (1867—1942)	18
Н. Бараташвили	19
Е. Баратынский	20
О. Барбье (1805—1882)	21
К. Батюшков (1787—1855)	22
Р. Баумбах (1840—1905)	24
Г. Беккер (1836—1870)	26
А. Белый (1880—1934)	28
П. Беранже (1780—1857)	29
Р. Бернс (1759—1786)	31
У. Блейк (1757—1827)	35
А. Блок (1880—1921)	36
В. Брюсов (1873—1924)	39
Д. Веневитинов	42
Ф. Виньон (1431—?)	44
М. Волошин (1877—1932)	46
П. Вяземский	49

Г. Галина (1870—1942)	51
Г. Гейне (1797—1856)	54
И. Гёте (1749—1832)	55
З. Гиппиус (1869—1945)	57
Ф. Глинка (1786—1880)	59
М. Горький (1868—1936)	61
Е. Гребёнка (1812—1848)	63
А. Грибоедов	64
А. Григорьев	66
Э. Губер (1814—1847)	68
Н. Гумилёв (1886—1921)	72
В. Давенант (1606—1668)	74
Д. Давыдов (1784—1839)	75
П. Давыдов (1777—1842)	77
А. Дельвиг (1798—1831)	78
Конец ознакомительного фрагмента.	80

**Стихи русских
и зарубежных поэтов
(составил В. Федоровский)**

Составитель В. Федоровский

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Н. Агнивцев (1888—1932)

Санкт-Петербург – гранитный город, взнесённый словом
над Невой,

Где небосвод давно распорот Адмиралтейскою иглой!

Как явь, вплелись в твои туманы виденья двухсотлетних
снов.

О, самый призрачный и странный из всех российских
городов.

Недаром Пушкин и Растрелли, сверкнувши молнией
в веках,

Так титанически воспели тебя – в граните и стихах.

И майской ночью в белом дыме, и в завываньи
зимних пург

Ты всех прекрасней – несравнимый, блистательный
Санкт-Петербург!

Знайте: когда-то, и как-то, и где-то одинокий поэт жил
да был...

И всю жизнь свою, как все поэты, он писал, пил вино
и любил.

Обогнавши Богатство и Славу, Смерть пришла
и сказала ему:

– Ты поэт, ты бессмертен! И, право, как мне быть, я никак

не пойму.

Улыбаясь, развёл он руками, и с поклоном промолвил
в ответ:

– В жизни я не отказывал даме! Вашу руку!.. И умер поэт.

И. Анненский (1855—1909)

Среди миров, в мерцании светил
Одной Звезды я повторяю имя...
Не потому, что я её любил,
А потому, что я томлюсь с другими.

И если мне сомненье тяжело,
Я у Неё одной ищю ответа,
Не потому, что от неё светло,
А потому, что с ней не надо света.

А. Апухтин (1840—1893)

Минувшей юности своей забыв волнения и измены,
Отцы уж с отроческих дней готовят нас для сцены.
Нам говорят: «Ничтожен свет, в нём все злодеи или дети,
В нём правды нет, в нём сердца нет, но будь и ты, как все
на свете».

И вот чтоб выйти напоказ, мы наряжаемся в уборной;
Пока никто не видит нас, мы смотрим гордо и задорно.
Вот вышли молча и дрожим, но оправляемся мы скоро
И с чувством роли говорим, украдкой глядя на суфлёра.

И говорим мы о добре, о жизни честной и свободной,
Что в первой юности поре звучит тепло и благородно;
О том, что жертва – наш девиз, о том, что все мы, люди, –
братья,

И публике из-за кулис мы шлём горячие объятья.

И говорим мы о любви, к неверной простирая руки,
О том, какой огонь в крови, о том, какие в сердце муки.
И сами видим без труда, как Дездемона наша мило,
Лицо закрывши от стыда, чтоб побледнеть, кладёт
белила.

Потом, не зная, хороши ль иль дурны были монологи,

За бестолковый водевиль уж мы берёмся без тревоги.
И мы смеёмся надо всем, тряся горбом и головою,
Не замечая, между тем, что мы смеёмся над собою.

Но холод в нашу грудь проник, устали мы – пора с дороги:
На лбу чуть держится парик, слезает горб, слабеют
ноги...

Конец! Теперь что ж делать нам? Большая зала опустела.
Далёко автор где-то там, ему до нас какое дело.

И, сняв парик, умыв лицо, одежды сбросив шутовские,
Мы все, усталые, больные, лениво сходим на крыльцо.
Нам тяжело, нам больно, стыдно, пустые улицы темны,
На чёрном небе звёзд не видно – они давно погашены...
Мы зябнем, стынем, изнывая, а зимний воздух
недвижим,
И обнимает ночь глухая нас мёртвым холодом своим.

Небо было чёрным, ночь была темна.
Помнишь, мы стояли молча у окна,
Непробудно спал уж деревенский дом;
Ветер дул сердито под твоим окном;
Дождь шумел по крыше, стёкла поливал;
Свечка догорела, маятник стучал.

Медленно вздыхая, ты глядела вдаль,
Нас обоих грызла старая печаль.
Ты заговорила тихо, горячо...

Ты мне положила руку на плечо...
И в волнение жадном я приник к тебе...
Я так горько плакал, плакал о себе.

Сердце разрывалось, билось тяжело...
То давно уж было, то давно прошло.
О, как небо чёрно, о, как ночь темна,
Как домами тяжко даль заслонена...
Слёз уж нет... один я...и в душе моей,
Верь, ещё темнее и ещё черней.

Светает... Не в силах тоски превозмочь,
Заснуть я не мог в эту бурную ночь.
Через реки и горы, и степи простор
Вас, братья далёкие, ищет мой взор.

Что с вами? Дрожите ли вы под дождём
В убогой палатке, укрывшись плащом,
Иль стонете в ранах, томитесь в плену,
Иль пали в бою за родную страну,
И жизнь отлетела от лиц дорогих,
И голос ваш милый навеки затих?

О, Господи, лютой пылая враждой,
Два стана давно уж стоят пред тобой.
О помощи молят тебя их уста,
Один – за Аллаха, другой – за Христа.
Без устали, дружно во имя твоё

Работают пушка, и штык, и ружьё.

Но, Боже, один ты, и вера одна,
Кровавая жертва тебе не нужна.
Яви же борцам негодующий лик,
Скажи им, что мир твой хорош и велик,
И слово забытое братской любви
В сердцах, омрачённых враждой, оживи!

А. Аснык (1838—1897)

Не говори, хотя б изнемогал ты в ранах,
Что высохла вода, что нет нигде ключей, —
Источник ты искал среди равнин песчаных,
А в роще проглядел струившийся ручей.

Не говори, хотя б ты изнывал в печали,
Что правды ты нигде не встретил на земле, —
Звезда её тебе сияла в тёмной дали,
Когда на огонёк ты шёл в полночной мгле.

Не говори, что всё, чего ты так напрасно
Искал и не нашёл, – безумно лгавший сон...
Не ты – другой найдёт ключ к радости прекрасной
И жажду утолит отрадной влагой он.

Мне жаль цветов живых на кручах скал:
Над бездной тёмной их никто не отыскал.

Жемчужин жаль, что красоту таят на дне;
И одиноких гордых чувств так жалко мне.

И жалко тающих во мгле весенних грёз,

Без меры жертв людских, невинных слёз;
Желаний скованной души мне жаль, мне жаль,
Без эха песен, что летят в глухую даль.

Отваги жаль, что дел напрасно ждёт,
И жизни без любви – как сон уйдёт.

Лишь сердца одного, – так мало, ах, так мало, —
Лишь сердца одного на свете надо мне,
Чтоб близ меня оно любовью трепетало...
И счастлив был бы я, и жил бы в тишине.

И уст хочу таких, чтоб я, как из пиалы,
Мог счастье вечно пить из них, как в райском сне,
И глаз, чтобы душа моя в них утопала,
В их чудной, их святой блаженной глубине.

Лишь сердца одного, руки, чтоб веки нежно
Усталых глаз моих закрыла мне она;
И мне бы грезился мой ангел белоснежный,
И мне бы чудилась лазури глубина.

Лишь сердца одного всегда просил у Бога.
Но кто-то шепчет мне, что это слишком много.

Г. Байрон (1788—1824)

Ты плачешь – светятся слезой ресницы синих глаз.
Фиалка, полная росой, роняет свой алмаз.

Ты улыбнулась – пред тобой сапфира блеск погас:
Его затмил огонь живой, сиянье синих глаз.

Вечерних облаков кайма хранит свой нежный цвет,
Когда весь мир объяла тьма, и Солнца в небе нет.

Так в глубину душевных туч твой проникает взгляд:
Когда погас последний луч – в душе горит закат.

Ю. Балтрушайтис (1873—1944)

Брось свой кров, очаг свой малый, сон в тоскующей
груди,
И громады скал на скалы в высь немую громозди...

Божий мир ещё не создан, недостроен божий храм,
Только серый камень роздан, только мощь дана рукам.

Роя путь к твердыне горной, рви гранит, ровный холмы,
Озари свой мрак упорный искрой, вырванной из тьмы.

Лишь свершая долг суровый в мире лени, праздной лжи
Ты расширишь гранью новой вековые рубежи...

Лишь предав свой дух терпению, им оправдан и спасён,
Будешь малою ступенью в тёмной лестнице времён...

Тихо пело время, в мире ночь была
Бледной лунной сказкой, ласкова, светла.
В небе было много ярких мотыльков,
Быстрых, золотистых, майских огоньков....

Искрами струился месяц в водоём,
И в безмолвном парке были мы вдвоём.
И земля, и небо были, как венец,
Радостно замкнувший счастье двух сердец...

Онемело время. В мире вновь легла
Поздняя ночная тишь и полумгла.
В небе было много белых мотыльков,
Медленных, холодных, мёртвых огоньков...

Был, как сон могильный, скорбен сон долин,
И в заглохшем парке плёлся я один.
Меркнули пустынно звёзды в тишине,
Одиноко сердце плакало во мне...

К. Бальмонт (1867—1942)

Она отдалась без упрёка, она целовала без слов.

– Как тёмное море глубоко, как дышат края облаков!

Она не твердила: «Не надо», обетов она не ждала.

– Как сладостно дышит прохлада, как тает вечерняя мгла!

Она не страшилась возмездья, она не боялась утрат.

– Как сказочно светят созвездья, как звёзды бессмертно
горят!

Н. Бараташвили (1817—1844)

Цвет небесный, синий цвет, полюбил я с малых лет.
В детстве он мне означал синеву иных начал.

И теперь, когда достиг я вершины дней своих,
В жертву остальным цветам голубого не отдам.

Он прекрасен без прикрас – это цвет любимых глаз,
Это взгляд бездонный твой, напоённый синевой,
Это цвет моей мечты, это краска высоты.

В этот голубой раствор погружён земной простор.
Это лёгкий переход в неизвестность от забот
И от плачущих родных на похоронах моих.

Это синий негустой иней над моей плитой.
Это сизый зимний дым мглы над именем моим.

Е. Баратынский

(1800—1844)

Приманкой ласковых речей
Вам не лишить меня рассудка.
Конечно, многих вы милей,
Но вас любить – плохая шутка.

Вам не нужна любовь моя,
Не слишком заняты вы мною,
Не нежность – прихоть вашу я
Признаньем страстным успокою.

Вам дорог я, твердите вы,
Но лишний пленник вам дороже;
Вам очень мил я, но, увы!
Вам и другие милы тоже.

С толпой соперников моих
Я состязаться не дерзаю
И превосходной силе их
Без битвы поле уступаю.

О. Барбье (1805—1882)

Да Винчи Леонардо! Великий сын! Твой лик
С крутым высоким лбом, с волнистой бородою
Прекрасней для меня могущества владык,
И я, восторга полн, склоняюсь пред тобою.

Что честь, добытая кровавою войною,
Перед сокровищем души твоей, старик?
Что лавры тщетные и почести герою
Пред порослью искусств и миром мудрых книг?

Почёт тебе, почёт! Твой животворный гений
Фантазии полёт и мудрость рассуждений
Двойным могуществом в живом единстве слил.

Подобен Солнцу ты, что на пути небесном,
Склоняясь, восходя, в могуществе чудесном
Живит поля Земли и водит хор светил.

К. Батюшков (1787—1855)

Ты хочешь мёду, сын? Так жала не страшись.
Венца победы? Смело – к бою!
Ты перлов ждёшь? Так опустись
На дно, где крокодил зияет под водою.
Не бойся! Бог решит. Лишь смелым он отец.
Лишь смелым – перлы, мёд, иль гибель, иль венец.

Меня преследует судьба, как будто я талант имею.
Она, известно вам, слепа, но я в глаза ей молвить смею:
– Оставь меня, я не поэт, я не учёный, не профессор;
Меня в числе счастливцев нет, я – отставной ассессор.

Тебе ль оплакивать утрату юных дней?
Ты в красоте своей совсем не изменилась
И для любви такой немеркнувшей моей
От времени прелестней ты явилась.

Твой друг не дорожит неопытной красой,
Незрелой в таинствах любовного искусства.
И взор её, такой стыдливый и немой,
И робкий поцелуй без опытного чувства.

Но ты, безмерная владычица любви,
Ты можешь страсть вдохнуть и в мёртвый камень;
И в осень дней твоих в волнующей крови
Не погасает чувства неизбывный пламень.

Р. Баумбах (1840—1905)

Из ручья пивал я горстью, пил из кубка короля,
Из охотничьего рога, из стекла и хрусталя,
Из бокалов драгоценных, кружек глиняных, простых...
Кубков нет таких на свете, чтобы не пил я из них.

Лучший кубок... Отгадайте. Называть не стану я...
Горячи всегда и алы кубка этого края.
Кто прильнёт к нему устами, – во сто крат счастливей тот
Всех счастливых, всех блаженных, жизнь проживших без
забот.
Хоть, в конце концов, пустеют бочки всякие до дна,
Мой же кубок – это море, вечно полное вина.
В нём и хмеля не убавить: как прильнёшь к его краям, —
Он всегда готов ответить поцелуями устам.

Да ты – злодей, трактирщик, тебя казнить пора давно:
Чем слаще дочери улыбка, тем всё кислей твоё вино.

Когда она подносит кружку, я вижу – ангел предо мной;
Но в этой кружке налит уксус, вина ж нет капли ни одной.

Сок винограда Магометом Пить потому запрещено,

Что он проездом давним летом В твоей таверне пил вино.

Прощай, весёлая красotka. Ведь взглядом ласковых очей
Не подсластить такой отравы, От них она – ещё кислей.

Г. Беккер (1836—1870)

Не говорите нам, что время смолкнуть лире,
Что ей уж пищи нет, прошёл её черёд.
Поэтов, может, и не будет больше в мире,
Поэзия сама вовеки не умрёт.

Покуда ветерок в пространство увлекает
Дыхания цветов и звуков хоровод,
И светлая весна так бурно расцветает, —
Поэзия для нас на свете не умрёт.

Пока, стремясь вперёд от века и до века,
Не знает род людской, куда, зачем идёт;
И в мире тайна есть для мысли человека, —
Поэзия для нас на свете не умрёт.

Пока рассудок в нас не заглушил мечтанья,
И сердце воевать с умом не устаёт;
Пока надежды есть и есть воспоминанья, —
Поэзия для нас на свете не умрёт.

Покуда две души сливаются родные,
Когда их поцелуй сближает и зовёт;
И на земле живут красавицы молодые, —

Поэзия сама на свете не умрёт.

А. Белый (1880—1934)

Был тихий час. У ног шумел прибой.
Ты улыбнулась, молвив на прощанье:
— Мы встретимся... До нового свиданья...

То был обман. И знали мы с тобой,
Что навсегда в тот вечер мы прощались.
Пунцовым пламенем зарделись небеса.

На корабле надулись паруса.
Над морем крики чаек раздавались.
Я вдаль смотрел, щемящей грусти полн.

Мелькал корабль, с зарёю уплывавший
Средь нежных изумрудно-пенных волн,
Как лебедь белый, крылья распластавший.

И вот его в безбрежность унесло.
На фоне неба бледно-золотистом
Вдруг облако туманное взошло
И запылало ярким аметистом.

П. Беранже (1780—1857)

Я счастлив, весел и пою; но на пиру, в чаду похмелья,
Я новых праздников веселья душою планы создаю...
Головку русую лаская, вино в бокалы мы нальём,
Единодушно восклицая: «О други, сызнава начнём!»

Люблю вино, люблю Лизетту. И возле ложа создан мной
Благословенному Моэту алтарь достойный, хоть простой.
Лизетта любит сок отрадный, и мы чуть-чуть лишь
отдохнём,
Как уж она, лобзая жадно: «Скорее сызнава начнём!».

Пируйте ж, други: позабудем, что будет время всё
кончать,
Что ничего не в силах будем мы больше сызнава начать.
Теперь же, с жизнью играя, мы пьём и весело поём!
Красоток наших обнимая, мы скажем: «Сызнава
начнём!».

Друзья, природою самую назначен наслажденья срок:
Цветы и бабочки – весною, зимою – виноградный сок.
Снег тает, сердце пробуждая; короче дни – хладеет
кровь...

Прощай вино – в начале мая,
А в октябре – прощай любовь.

Хотел бы я вино с любовью мешать, чтоб жизнь была
полна;

Но, говорят, вредит здоровью избыток страсти и вина.
Советам мудрости внимая, я рассудил без лишних слов:
Прощай вино – в начале мая,
А в октябре – прощай любовь.

В весенний день моя свобода была Жанетте отдана.
Я ей поддался – и полгода меня дурачила она.
Кокетке всё припоминая, я в сентябре уж был готов...
Прощай вино – в начале мая,
А в октябре – прощай любовь.

Я осенью сказал Адели: «Прощай, дитя, не помни зла...».
И разошлись мы. Но в апреле она сама ко мне пришла.
Бутылку в угол задвигая, я вспомнил смысл мудрейших
слов:
Прощай вино – в начале мая,
А в октябре – прощай любовь.

Так я дошёл бы до могилы... Но есть Волшебница – она
Крепчайший спирт лишает силы и охмеляет без вина.
Захочет – я могу забыться, смешать все дни в календаре:
Весной – бесчувственно напиться
И быть влюблённым – в декабре.

Р. Бернс (1759—1786)

– Нет ни живой души вокруг, и на дворе темно.
Нельзя ль к тебе, мой милый друг, залезть через окно?
– Благодарю тебя за честь, но помни уговор:
Ко мне одна дорога есть – через церковный двор!..

Джон Андерсон, сердечный друг! Как я сошлась с тобой,
Был гладок лоб твой и, как смоль, был чёрен волос твой.

Теперь морщины по лицу и снег житейских выюг
В твоих кудрях; но – Бог храни тебя, сердечный друг!

Джон Андерсон, сердечный друг! Мы вместе в гору шли,
И сколько мы счастливых дней друг с другом провели!

Теперь нам под гору плестись; но мы рука с рукой
Пойдём – и вместе под горой заснём, любимый мой!

Мельник, пыльный мельник мелет нашу рожь.
Он истратил шиллинг, заработал грош.
Пыльный, пыльный он насквозь, пыльный он и белый.
Целоваться с ним пришлось – вся я поседела.

Мельник, пыльный мельник, белый от муки,
Носит белый мельник пыльные мешки.
Достаёт из кошелька мельник деньги белые.
Я для мельника-дружка всё что хочешь сделаю.

У мамы я одно дитя, чужих боюсь по чести.
С мужчиной лечь в одну кровать? Да я умру на месте.
Купила мама платье мне, чтоб в храм надеть обновку.
Боюсь, коль с вами лягу я, порвёте мне шнуровку.
День всех святых уже прошёл, зимой так долги ночи.
В одной постели вместе быть – ну право же, нет мочи.
Бушует ветер за окном и рвёт листву повсюду.
Вот если б вы пришли потом – я летом старше буду!

Ты знаешь, что Мэгги намедни нашла?
Ты знаешь, что Мэгги намедни нашла?
Нашла жениха – дурака и бездельника,
И сердце разбила у бедного мельника.

Был мельник хорош и в труде, и в беседе,
Отважен, как лорд, и прекрасен, как леди.
Другой был невзрачный, пустой паренёк,
Но туго набит был его кошелёк.

Один обещал ей любовь и заботу,
Другой посулил посерьёзнее что-то:
Гнедую лошадку с коротким хвостом,

С уздечкой в колечках, седлом и хлыстом.

Ох, деньги имеют изрядную силу,
Коль можно девицу купить за кобылу.
Приданое – важная в жизни статья,
Но дай мне любовь, дорогая моя!

Тебе ни дождь, ни снег, ни град не помешал попасть
в мой сад.

И, значит, можешь путь назад ты без труда найти.

Ещё кругом глухая ночь, глухая ночь, глухая ночь.

Тебя впустить на эту ночь я не могу – прости.

Пусть на ветру ты весь продрог, – от худших бед
помилуй, Бог,

Ту, что тебе через порог позволит перейти.

В саду раскрывшийся цветок лежит, растоптан, одинок.

И это девушке урок, как ей себя вести.

Птенца, не знавшего тревог, в кустах охотник подстерёг.

И это девушке урок, как ей себя вести.

Стоит кругом глухая ночь, глухая ночь, глухая ночь.

Тебя впустить на эту ночь я не могу – прости.

Устал в полёте конь Пегас, скакун крылатый Феба,

И должен был на краткий час сойти на землю с неба.

Крылатый конь – плохой ходок. Скользя по мёрзлым
склонам,

Он захромал и сбился с ног под богом Аполлоном.

Пришлось наезднику сойти и жеребца хромого
К Вулкану в кузницу вести, чтоб заказать подковы.

Колпак и куртку снял кузнец, работал он до пота.
И заплатил ему певец сонетом за работу.

Вулкан сегодняшнего дня, твой труд ценю я выше.
Не подкуёшь ли мне коня за пять четверостиший?

Долой красоты колдовское заклятье!
Не тоненький стан заключу я в объятья,
Нужна необъятная мне красота:
Хорошая ферма и много скота.

Красивый цветок обольстит и обманет;
Чем раньше цветёт, тем скорее увянет.
А белые волны пасущихся стад
И прибыль приносят, и радуют взгляд.

Любовь нам порою сулит наслажденье,
Но вслед за победой идёт охлажденье.
Но будят в душе неизменный восторг
Кружки, на которых оттиснут Георг.

У. Блейк (1757—1827)

Словом высказать нельзя всю любовь к любимой.
Ветер движется, скользя, тихий и незримый.
Я сказал, я всё сказал, что в душе таилось;
Но любимая в слезах, в страхе удалилась.
А мгновение спустя путник, шедший мимо,
Тихо, вкрадчиво, шутя завладел любимой.

Ах, маменька, в церкви и холод и мрак,
Куда веселей придорожный кабак.
К тому же ты знаешь повадку мою —
Такому бродяжке не место в Раю.

Вот ежели в церкви дадут нам винца
Да пламенем жарким согреют сердца,
Я буду молиться весь день и всю ночь.
Никто нас из церкви не выгонит прочь.

И Бог будет счастлив, как добрый отец,
Увидев довольных детей, наконец.
Простит он, конечно, бочонок и чёрта,
И дьяволу выдаст камзол и ботфорты.

А. Блок (1880—1921)

Превратила всё в шутку сначала,
Поняла – принялась укорять,
Головою красивой качала,
Стала слёзы платком вытирать.

И, зубами дразня, хохотала,
Неожиданно всё позабыв.
Вдруг припомнила всё – зарыдала,
Десять шпилек на стол уронив.

Подурнела, пошла, обернулась,
Воротилась, чего-то ждала,
Проклинала, спиной повернулась,
И, должно быть, навеки ушла...

Что ж, пора приниматься за дело,
За старинное дело своё.
Неужели и жизнь отшумела,
Отшумела, как платье твоё?

Сумерки, сумерки вешние, хладные волны у ног,
В сердце – надежды нездешние, волны бегут на песок.

Отзвуки, песня далёкая, но различить – не могу.
Плачет душа одинокая там, на другом берегу.

Тайна ль моя совершается, ты ли зовёшь вдалеке?
Лодка ныряет, качается, что-то плывёт по реке.

В сердце надежды нездешние, кто-то навстречу – бегу...
Отблески, сумерки вешние, клики на том берегу.

Прошли года, но ты – всё та же:
Строга, прекрасна и ясна;
Лишь волосы немного глаже,
И в них сверкает седина.

А я – склонён над грудой книжной,
Высокий сторбленный старик —
С одною думой непостижной
Смотрю на твой спокойный лик.

Да, нас года не изменили,
Живём и дышим, как тогда,
И, вспоминая, сохранили
Те баснословные года...

Их светлый пепел – в длинной урне,
Наш светлый дух – в лазурной мгле.
И всё чудесней, всё лазурней

Дышать прошедшим на земле.

В. Брюсов (1873—1924)

О, эти встречи мимолётные на гулких улицах столиц!
О, эти взоры безотчётные, беседа беглая ресниц!

На зыби яростной мгновенного мы двое – у одной черты;
Безмолвный крик желанья пленного:
– Ты кто, скажи? Ответ: «Кто ты?».

И взором прошлое рассказано, и брошен зов ей: «Будь
моей!».
И вот она обетом связана... но миг прошёл и ты не с ней.
Далёко там, в толпе, скользит она, уже с другим её
мечта...

Но разве страсть не вся испытана, не вся любовь
пережита?!

Ты – женщина, ты – книга между книг,
Ты – свёрнутый, запечатлённый свиток;
В его строках и дум и слов избыток,
В его листах безумен каждый миг.

Ты – женщина, ты – ведьмовский напиток!

Он жжёт огнём, едва в уста проник;
Но пьющий пламя подавляет крик
И славословит бешено средь пыток.

Ты – женщина, и этим ты права,
От века убрана короной звёздной,
Ты – в наших безднах образ божества!

Мы для тебя влечём ярем железный,
Тебе мы служим, тверди гор дробя,
И молимся – от века – на тебя!

Я много лгал и лицемерил, и сотворил я много зла,
Но мне за то, что много верил, мои отпустятся дела.

Я дорожил минутой каждой, и каждый час мой был –
порыв.

Всю жизнь я жил великой жаждой, её в пути не утолив.

На каждый зов готов ответить и, открывая душу всем,
Не мог я в мире друга встретить, и для людей
остался нем.

Любви я ждал, но не изведал её в бездонной полноте.
Я сердце холодности предал, я изменил своей мечте.

Тех обманул я, тех обидел, тех погубил – пусть вопиют!
Но я искал – и это видел тот, кто один мне – правый суд.

Д. Веневитинов

(1805—1827)

В глухую степь земной дороги, эмблемой райской
красоты,

Три розы бросили нам боги, Эдема лучшие цветы.

Одна под небом Кашемира цветёт близ светлого ручья;
Она любовница зефира и вдохновенье соловья.

Ни день, ни ночь она не вянет; и если кто её сорвёт,
Лишь только утра луч проглянет, ещё свежее расцветёт.

Ещё прелестнее другая: она, румяною зарёй
На раннем небе расцветая, пленяет яркой красотой.

Сильней от этой розы веет, её так хочется сорвать;
Но лишь на миг она алеет, хоть каждый день цветёт
опять.

Ещё свежей от третьей веет, хотя она не в небесах;
Её для жарких уст лелеет любовь на девственных щеках.

Но эта роза быстро вянет – она пуглива и нежна:
Сорвёшь... и тщетно луч проглянет – не расцветёт

уже она.

Сначала жизнь пленяет нас: всё хорошо, всё сердце греет
И, как заманчивый рассказ, наш ум причудливый лелеет.

Кой-что страшит издалека, но в этом страхе наслажденье:
Он веселит воображенье, как жизни повесть старика.

Но кончится обман игривый – мы привыкаем к чудесам.
Потом на всё глядим лениво, потом – и жизнь
постыла нам.

Её загадка и развязка уже длинна, стара, скучна,
Как пересказанная сказка усталому пред часом сна.

Ф. Виньон (1431—?)

Я знаю, кто по-щёгольски одет; я знаю весел кто, а кто
не в духе;

Я знаю тьму кромешную и свет; я знаю – у монаха крест
на брюхе.

Я знаю, как трезвонят завирухи; я знаю – врут они, везде
трубя;

Я знаю, свахи кто, кто повитухи; я знаю всё, но только
не себя!

Я знаю, богачи бывают глухи; я знаю – нет им дела
до тебя;

Я знаю все затрещины, все плюхи; я знаю всё, но только
не себя!

Я знаю – проведут тебя простухи; я знаю – пропадешь
с такой, любя;

Я знаю – умирают с голодухи, я знаю всё, но только
не себя!

Я знаю, как на мёд садятся мухи; я знаю смерть, что
рыщет, всё губя;

Я знаю книги, истины и слухи; я знаю всё, но только

не себя!

М. Волошин (1877—1932)

Кто ты, Россия? Мираж, наваждение?
Была ли ты, есть, или нет?
Омут... стремнина... головокруженье...
Бездна... безумие... бред...

Всё неразумно и необычайно:
Взмахи побед и разрух...
Мысль замирает пред вещью тайной
И ужасается дух.

Каждый, коснувшийся дерзкой рукою, —
Молнией поражён:
Карл под Полтавой, ужален Москвою
Падает Наполеон.

Помню квадратные спины и плечи
Грузных германских солдат —
Год... и в Германии русское вече:
Красные флаги кипят.

Кто там? Французы? Не суйся, товарищ,
В русскую водоверть!
Не прикасайся до наших пожариц!

Прикосновение – смерть.

Реки вздувают безмерные воды,
Стонет в равнинах метель:
Бродит в точиле, качает народы
Русский разымчивый хмель.

Мы – заражённые совестью: в каждом
Стенке – святой Серафим,
Отданный тем же похмельям и жаждам,
Тою же волей томим.

Мы погибаем, не умирая,
Дух обнажаем до дна.
Дивное диво – горит, не сгорая,
Неопалимая Купина.

С Россией кончено... На последях
Её мы прогалдели, проболтали,
Пролузгали, пропили, проплевали,
Замызгали на грязных площадях.

Рспродали на улицах: не надо ль
Кому земли, республик, да свобод,
Гражданских прав? И Родину народ
Сам выволок на гноище, как падаль.

О, Господи, разверзни, расточи,

Пошли на нас огонь, и язвы, и бичи,
Германцев с запада, монгол с востока.

Отдай нас в рабство, вновь и навсегда,
Чтоб искупить смиренно и глубоко
Иудин грех до страшного суда!

П. Вяземский (1792—1878)

Простоволосая головка, улыбочивость лазурных глаз,
И своенравная уловка, и блажь затейливых проказ.

Всё в ней так молодо, так живо, так не похоже на других,
Так поэтически игриво, как Пушкина весёлый стих.

Она пылит, она чудесит, играет жизнью, и шутя,
Она влечёт к себе и бесит, как своевольное дитя.

Её игрушка – сердцеловка: поймает сердце и швырнёт;
Простоволосая головка всех поголовно оберёт.

Нужно ль вам истолкованье, что такое русский бог?
Вот его вам начертанье, сколько я заметить мог.

Бог метелей, бог ухабов, бог мучительных дорог,
Станций – тараканьих штабов – вот он, вот он,
русский бог.

Бог холодных, бог голодных, нищих вдоль и поперёк,
Бог имений недоходных – вот он, вот он, русский бог.

Бог грудей и щёк отвислых, бог лаптей и пухлых ног,
Горьких лиц и сливок кислых – вот он, вот он,
русский бог.

Бог наливок, бог рассолов, душ, представленных в залог,
Бригадирш обоих полов – вот он, вот он, русский бог.

Бог всех с Анною на шеях, бог дворовых без сапог,
Бог в санях при двух лакеях – вот он, вот он, русский бог.

К глупым полон благодати, к умным беспощадно строг,
Бог всего, что есть некстати – вот он, вот он, русский бог.

Бог всего, что из границы не к лицу, не под итог,
Бог по ужину горчицы – вот он, вот он, русский бог.

Бог бродяжных иноземцев, к нам зашедших на порог,
Бог в особенности немцев – вот он, вот он, русский бог.

Г. Галина (1870—1942)

Кода угрюмый дождь стучит в моё окно
И лампы огонёк так ласково мерцает,

Я думаю о том, кто в этой тьме блуждает,
Кому найти приют всю ночь не суждено.

О, если б я могла ту лампу, как маяк,
Поставить на окно, как вызов ночи тёмной;

И гостем бы вошёл ко мне мой брат бездомный,
Оставив за собой осенний дождь и мрак.

Но мы – условности трусливые рабы —
Ни ярко чувствовать, ни жить мы не умеем,
И голову поднять свободно не посмеем
Из-под ярма приличий и судьбы.

Лес рубят – молодой, нежно-зелёный лес...
А сосны старые понурились угрюмо
И полны тягостной неразрешимой думы...
Безмолвные, глядят в седую даль небес...

Лес рубят... Потому ль, что рано он шумел?
Что на заре будил уснувшую природу?
Что молодой листвой он слишком смело пел
Про Солнце, Счастье и Свободу?

Лес рубят... Но земля укроет семена;
Пройдут года, и мощной жизни силой
Поднимется берёз зелёная стена
И снова зашумит над братскою могилой.

Всем вам, что спите так мирно, спокойно
В ваших богатых нарядных домах,
Снится ли вам хоть в полуночных снах
Дикая, страшная бойня?

Слышите ль вы, как бушует и стонет
Море чужое в далёком краю?
Это погибших в неравном бою
Жёлтое море хоронит.

Видите ль вы, в глубине под волной
Мёртвою тенью лежат корабли,
Залиты тёмною кровью они,
Кровью такую родною.

К вам не глядят ли в окно по ночам
Взоры тяжёлой немой укоризны?
Жертвы ненужные бедной Отчизны

Снятся ли вам по ночам?

Г. Гейне (1797—1856)

Твои глаза – сапфира два, два дорогих сапфира;
И счастлив тот, кто обретёт два этих синих мира.

Твоё сердечко – бриллиант, огонь его так ярок;
И счастлив тот, кому пошлёт его судьба в подарок.

Твои уста – рубина два, нежны их очертанья;
И счастлив тот, кто с них сорвёт стыдливое признание.

Но если этот властелин рубинов и алмаза
В лесу мне встретится один, – он их лишится сразу!

Как ты поступила со мною, пусть будет неведомо свету.
Об этом у берега моря я рыбакам сказал по секрету.
Пятнать твоё доброе имя на твёрдой земле я не стану,
Но слух о твоём вероломстве пойдёт по всему океану.

И. Гёте (1749—1832)

Боюсь, дружок Тереза, как острого железа,
Твоих сердитых глаз.

И всё ж, когда ты водишь, ты вмиг меня находишь,
Меня находишь враз.

Поймав меня, в смущенье, прижмёшься на мгновенье,
И в лад стучат сердца.

Но вот повязка сбита, и снова ты сердито
Глядишь, как на слепца.

Мечусь я, спотыкаюсь, на стены натыкаюсь
В весёлой кутерьме.

Твоей любви молю я, не то, всегда горяя,
Блуждать буду во тьме.

На старой башне, у реки, дух рыцаря стоит.
Он, лишь увидит челноки, приветом их дарит:
– Кипела кровь и в сей груди, кулак был из свинца,
И богатырский мозг в кости, и кубок – до конца!

Пробушеввал полжизни я, полжизни проволоч.
А ты плыви, плыви, ладья, куда несёт поток!

3. Гиппиус (1869—1945)

Есть счастье у нас, поверьте, и всем дано его знать.
В том – счастье, что мы о смерти умеем вдруг забывать.
Не разумом ложно-смелым, пусть он и твердит своё,
А чувственно, кровью и телом не помним мы про неё.

Но счастье так хрупко и тонко: как слово, будто меж
строк;
Глаза больного ребёнка; увядший в воде цветок.
И кто-то шепчет: «Довольно», и вновь отравлена кровь,
И ропщет в сердце безвольном обманутая любовь.

Нет, лучше б из нас на свете и не было никого.
Только бы звери да дети, не знающие ничего.

Изнемогаю от усталости, душа изранена, в крови...
Ужели нет над нами жалости, ужель над нами нет любви?
Мы исполняем волю строгую, как тени, тихо, без следа;
Неумолимою дорогою идём неведомо куда.

И ноша жизни, ноша крестная, чем далее, тем тяжелей...
И ждёт кончина неизвестная у вечно запертых дверей.
Без ропота, без удивления мы делаем, что хочет Бог.

Он создал нас без вдохновения и полюбить, создав,
не смог.

Мы падаем, толпа бессильная, бессильно веря в чудеса;
А сверху, как плита могильная, слепые давят небеса.

Ф. Глинка (1786—1880)

Когда б я Солнцем покатился
И в чудных заблистал лучах,
И в ста морях изобразился,
И пировал на ста горах;

Когда б Луну – мою рабыню —
Посеребрял мой длинный луч,
Цветил воздушную пустыню,
Пестрил хребты бегущих туч;

Когда б послушные планеты,
Храня подобострастный ход,
Ожизненные мной, нагреты,
Текли за мной, как хоровод;

Когда б мятежная комета,
В своих курящихся огнях,
Безумно пробежав полсвета,
Угасла вся в моих лучах,

То стал бы я тогда счастливым
Среди небес, среди планет,
Плывя светилом горделивым?

Нет, не был бы я счастлив, нет!

Но если б в рубище, без пищи,
Главой припав к чужой стене,
Хоть раз увидел бы я, нищий,
Увидел Бога я во сне,

Я отдал бы земные славы
И пышный весь небес наряд,
Всю прелесть власти, все забавы
За этот лишь на Бога взгляд!

В небе всё сияло, в поле всё цвело;
Но тебя не стало – всё с тобой прошло.
Ты, как сон крылатый, милая, ушла
И все ароматы сразу унесла.

Только одни думы – грустный мой удел,
И такой угрюмый ветер зашумел.
Но вечною весною пусть всё цветёт для ней.
Живу я ей одною, живу я и без ней.

Если хочешь жить легко и быть к небу близко,
Держи сердце высоко, а голову – низко.

М. Горький (1868—1936)

Не браните вы музу мою, я другой и не знал, и не знаю;
Не минувшему песню слагаю, а грядущему гимны пою.
В незатейливой песне моей я пою о стремлении к свету;
Отнеситесь по-дружески к ней и ко мне, сомоучке-поэту.
Не встречайте же музу мою невнимательно и безучастно;
В этой жизни, больной и несчастной, я грядущему
гимны пою.

В лесу над рекой жила фея, в реке она часто купалась;
Но раз, позабыв осторожность, в рыбацкие сети попалась.
Её рыбаки испугались... Но был с ними юноша Марко;
Схватил он красавицу-фею и стал целовать её жарко.
А фея, как гибкая ветка, в могучих руках извивалась,
Да в Марковы очи глядела и тихо чему-то смеялась...
Весь день она Марко ласкала, а как только ночь
наступила —
Пропала весёлая фея, — у Марка душа загрустила...
И дни ходит Марко, и ночи в лесу над рекою Дунаем,
Всё ищет, всё стонет: «Где фея?»; но волны смеются:
— Не знаем.
И он закричал им: «Вы лжёте, вы сами играете с нею».
И бросился юноша глупый в Дунай, чтоб найти свою фею.

Купается фея в Дунае, как раньше до Марко купалась;
А Марко уж нету... Но всё же, о Марко хоть песня
осталась.

А вы на земле проживёте, как черви слепые живут:
Ни сказок о вас не расскажут, ни песен про вас не споют.

Е. Гребёнка (1812—1848)

По озеру красивый Лебедь плыл,
Один среди гусиной серой стаи.
— К чему свои он перья распустил? —
В сердцах Гусак заголосил, —
Чего любуетесь, как он плывёт, блистая?

Мы – серые тут все, а он один средь нас
Такой чистюля белоснежный!
Да если взяться нам прилежно,
Его б мы перекрасили тотчас.
Чего он чванится, что белый он и нежный!

Пришлось по сердцу всем гусям
Простое предложенье это —
Хватают грязь и там и сям
И мажут Лебеда, чтоб серого был цвета.
Обмазали кругом – остыл гусиный пыл.

А Лебедь лишь нырнул – и белым стал, как был.

А. Грибоедов (1794—1829)

Луг шелковый, мирный лес! Сквозь колеблемые своды
Ясная лазурь небес! Тихо плещущие воды!
Мне ль возвращены назад все очарованья ваши?
Снова ль черпаю из чаши нескудеющих отрад?
Будто сладостно-душистой в воздух пролилась струя;
Снова упиваюсь я вольностью и негой чистой.

Где же друг?.. Но я один!.. А давно ль как привиденье,
Предстоял очам моим вестник зла? Я мчался с ним
В дальний край на заточенье. Окрест дикие места,
Снег пушился под ногами; горем скованы уста,
Руки – тяжкими цепями...

Крылами порхая, стрелами звеня,
Любовь вопрошала кого-то:
– А есть ли что легче на свете меня?
Решите задачу Эрота.

Любовь, я решу, я отвечу за вас,
Сама себя легче бывает подчас.
Слыхали, есть песня такая:

Нашла себе друга Аглая

И легче, быстрее того совсем позабыла его.

А. Григорьев

(1822—1864)

Я Вас люблю... что делать – виноват!
Я в 30 лет так глупо сердцем молод,
Что каждый Ваш случайный, беглый взгляд
Меня порой кидает в жар и холод.

Я знаю сам, что были бы преступны
Признанья или смысла лишены:
Я знаю, для меня Вы недоступны,
Как недоступен Рай для Сатаны.

Цепями неразрывными окован,
Не смею я, когда порой взволнован,
Измучен весь, к Вам робко подхожу
И подаю Вам руку на прощанье,
Сказать простое слово «до свиданья»
Иль, говоря, – на Вас я не гляжу.

К чему они, к чему свиданья эти?
Бессонницы – расплата мне за них!
А между тем, как зверь, попавший в сети,
Я тщетно злюсь на крепость уз своих.

Я к ним привык, к мучительным свиданьям,
Я опиум готов, как турок, пить,
Чтоб муку их в душе своей продлить
И дольше жить живым воспоминаньем.

Да, я люблю Вас глубоко и страстно.
И страсть безумную свою
От всех, от Вас особенно, таю.
От Вас, ребёнок чистый и прекрасный!

Не дай Вам Бог, душа моя, узнать,
Как тяжело любить такой любовью, —
Рыдать без слов, метаться, ощущать,
Что кровь свинцом расплавленным, не кровью,
Бежит по жилам; рваться, проклинать,
Терзаться ночи, дни считать тревожно,

Бояться встреч и ждать их, жадно ждать;
Беречься каждой мелочи ничтожной,
Дрожать за каждый шаг неосторожный;
Над пропастью бездонною стоять
И чувствовать, что надо погибать,
И знать, что бегство больше невозможно.

Э. Губер (1814—1847)

Думал мужик: «Вот я хлеб продам,
А барин спросит – оброк отдам.
В город снесу на продажу товару
Да и лошадок куплю себе пару;
Ну а потом и Ванюху женю
Я на Марфуше к Николину дню».

Хлеба мужик продал на два алтына,
Барин назвал его сукиным сыном;
И на деревне случился пожар,
Где вместе с хатой сгорел весь товар.

Тут почесался мужик поневоле
И не женил он Ванюху к Николе,
А поглядев на пустую кошну,
Взял и напился к Николину дню.

Иду домой знакомою дорогой.
Я издали вернулся. На покой.
На посох опираясь мой убогий,
Я думаю с невольною тоской:
Кто мой приход на Родину заметит,

Кто ныне здесь меня как друга встретит?

Мне не жилось в родимой стороне —
Всё звал меня какой-то злобный гений
В чужую даль; и душно было мне
Под бременем неясных вдохновений.
И вышел я из Родины моей
В широкий мир сомнений и страстей.

Но не сбылись молодые упования,
Разрушился пророческий обман.
Я не сберёг ни одного желанья,
И в этот час среди кровавых ран
Я отдал бы за дружескую ласку
Былых надежд несбыточную сказку.

Домой, домой, на Родину мою!
Я вновь дышу вечернею прохладой
В родных полях; я снова узнаю
И старый дом, и церковь за оградой.
На прах земли я головой клонюсь;
Я снова здесь надеюсь и молюсь.

Идёт народ, не вижу между ними
Ни одного знакомого лица.
Я не найду один между чужими
Ни матери, ни старого отца.
Другое им отведено жилище —
Там за селом, где тихое кладбище.

Но вот они проходят, – я дрожу,
Их братского привета ожидаю;
Их имена я в памяти держу,
По имени себя им называю —
Не вспомнит ли хоть кто-нибудь из них
Об имени родителей моих?

Ушли. Я у знакомого порога
Стою один и с тайною тоской
Гляжу вперёд на пыльную дорогу,
На посох опираясь рукой.
И стыдно мне, что я забыт народом,
Что никого не радую приходом.

Куда теперь? Кому же протянуть
В последний раз, хоть на прощанье, руку?
Иду один, и некому вздохнуть,
На долгую благословить разлуку.
Вокруг меня и братья, и родня,
Но некому молиться за меня.

В хате тихо; треща, догорая, еле светит лучинка...
Что ты плачешь, жена молодая, на реснице слезинка?
Али больно тебе, что Ванюху барин отдал в солдаты,
Что кормить и себя, и старуху, сиротинка, должна ты?

Что на люльку ты смотришь уныло, что глядишь

на мальчишку?

Хорошо при отце ему было, как любил он сынишку.

А теперь, без отца-то родного, даром сгинет
мальчишка —

Пропадёт у народа чужого, будет плут да воришка.

А как схватят, в открытом ли поле, на большой ли дороге,
Век покончит он в горькой неволе, в кандалах да
в остроге.

Жалко матери стало ребёнка... Видно доля такая.

И заплакала горько бабёнка, тихо люльку качая...

Н. Гумилёв (1886—1921)

Я всю жизнь отдаю для великой борьбы,
Для борьбы против мрака, насилья и тьмы.
Но увы! Окружают меня лишь рабы,
Недоступные светлым идеям умы.

Они или холодной насмешкой своей,
Или трусостью рабской смущают меня;
И живу я во мраке, не видя лучей
Благодатного, ясного, светлого дня.

Но меня не смутить, я пробьюся вперёд
От насилья и мрака к святому добру;
И, завидев светила свободы восход,
Я спокойно, умиротворённо умру.

Прекрасно в нас влюблённое вино
И добрый хлеб, что в печь для нас садится;
И женщина, которою дано,
Сперва измучившись, нам насладиться.

Но что нам делать с розовой зарёй
Над холодеющими небесами,

Где тишина и неземной покой;
Что делать нам с бессмертными стихами?

Ни съесть, ни выпить, ни поцеловать.
Мгновение бежит неудержимо,
И мы ломаем руки, но опять
Осуждены идти всё мимо, мимо.

Как мальчик, игры позабыв свои,
Следит порой за девичьим купаньем
И, ничего не зная о любви,
Всё ж мучится таинственным желаньем.

Как некогда в разросшихся хвощах
Ревела от сознания бессилья
Тварь скользкая, почуя на плечах
Ещё не появившиеся крылья.

Так век за веком – скоро ли, Господь?
Под скальпелем природы и искусства
Кричит наш дух, изнемогает плоть,
Рождая орган для шестого чувства.

В. Давенант (1606—1668)

Воспрянь ото сна, моя краса! Воспрянь и приоткрой
Свои прекрасные глаза – один, потом второй.

Встречай зевотой новый день, умыться не забудь,
Сорочку чистую надень и сверху что-нибудь.

Ты ночь спала, моя любовь, зачем же спать и днём?
Уже воспел свою морковь разносчик за окном,

Судачат девы у ворот, торгует хлебопек,
Малец хозяину несёт начищенный сапог...

Воспрянь! Уж завтрак на столе: лепёшки ждут, мой свет,
Овсянка жидкая в котле – её полезней нет.

А коли портит аппетит тебе вчерашний хмель,
Отлично силы подкрепит с утра целебный эль.

Д. Давыдов (1784—1839)

Под вечер муж Хрунов из кабачка Совы,
Бог ведает куда, по стенке пробирался;
Шёл, шёл и грохнулся. Народ расхохотался.
Чему бы, кажется? Но люди таковы.

Однако человек какой-то из толпы,
Заботливый и добрый, помог ему подняться.
И говорит: «Дружок, тебе не надо пить».

– Нет, это всё не то – не надо мне ходить,
Тогда уж точно я не буду спотыкаться.

С нею дружба – упоенье... Но спаси, создатель, с ней
От любовного сношенья и таинственных связей.
Огненна, славолюбива; но ручаюсь, что она
Неотвязчива, ревнива, как законная жена.

Кто знает нашу богомолку, тот с ней узнал наедине,
Что взор плутовки втихомолку поёт акафист сатане.
Как сладко с ней играть глазами, ниц падая перед
крестом,

И окаянными словами перерывать её псалом.

О, как люблю её ворчанье; на языке её всегда

Отказ идёт, как обещанье: *нет* на словах, на деле – *да*.

И – грешница – всегда сначала она ответит горячо:

– Ты просто варвар, я пропала. А после: «Друг, давай ещё».

П. Давыдов (1777—1842)

Я позвоню своей жене, чтобы назначить ей свиданье.
И будет долгим ожиданье, пока она ответит мне.

Я приглашу её туда, где мы ни разу не бывали.
Куда-нибудь в такие дали, где в полночь падает звезда.

И там ей что-то подарю и попрошу в подарок вечер,
Ведь годовщина нашей встречи пришла, поверь
календарю.

И пусть я время не верну, но будний день переиначу.
Опять, надеясь на удачу, я соблазню свою жену.

Свиданье мужа и жены – вот романтическая идея!
Так начинается неделя десятой радостной весны!

А. Дельви́г (1798—1831)

Как птичка резвая, молодая, ты под крылом любви
растёшь,
Мирских забот ещё не зная, смеёшься, вертишься,
поёшь.

Но детство быстро унесётся, с ним улетит и твой покой,
И сердце у тебя забьётся совсем неведомой тоской.
Тщеславие тебя цветами прилежно будет убирать,
И много лет пред зеркалами тебе придётся потерять.
И ты помчишься за толпою в чертог блестящей суеты
И истинной почтёшь красую все их поддельные цветы.
Но знай, что счастье – оно не в жемчугах, не в кружевах
И не в богатом туалете, а только в искренних сердцах.
Цвети, Темира дорогая, богиней красотой будь,
В столице роскоши блистая, меня, мой друг, не позабудь.

Воспламенять Вас – труд напрасный, узнал по опыту
я сам.
Вас боги создали прекрасной – хвала и честь за то богам.
Но вместе с прелестью опасной они холодность дали Вам.
Я таю в грусти сладострастной, а Вы, назло моим мечтам,
Улыбкой платите неясной моей любви простым мольбам.

Если мне объявят боги: «Здесь ты горе будешь пить»,
Я скажу: «Вы очень строги, но я всё ж останусь жить».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.